

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.16>

Хрусталева Анна Владимировна

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНА "РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА" ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОНЦУ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Рассматривается термин "философская критика", указывается на проблемы периодизации при рассмотрении критических статей, написанных философами русского религиозно-философского ренессанса. Показано, что термины "символистская критика" и "философская критика" находятся в противоречии, основанном на разном понимании истории литературы - календарном и конститутивно-типологическом. Акцентируется тот факт, что критика Плеханова и его эпигонов имеет все основания претендовать на наличие серьезнейшей философской составляющей, сам термин поэтому некорректен. Говорится о важнейшей особенности метода исследования художественного текста, свойственной русским религиозным философам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 74-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 10.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.16>

Рассматривается термин «философская критика», указывается на проблемы периодизации при рассмотрении критических статей, написанных философами русского религиозно-философского ренессанса. Показано, что термины «символистская критика» и «философская критика» находятся в противоречии, основанном на разном понимании истории литературы – календарном и конститутивно-типологическом. Акцентируется тот факт, что критика Плеханова и его эпигонов имеет все основания претендовать на наличие серьезнейшей философской составляющей, сам термин поэтому некорректен. Говорится о важнейшей особенностях метода исследования художественного текста, свойственной русским религиозным философам.

Ключевые слова и фразы: В. С. Соловьев; С. Н. Булгаков; К. Н. Леонтьев; Н. А. Бердяев; И. А. Ильин; С. Л. Франк; Г. П. Федотов; М. О. Гершензон; русская философская критика.

Хрусталева Анна Владимировна, к. филол. н.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
tevlin1982@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНА «РУССКАЯ ФИЛОСОФСКОЕ КРИТИКА» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОНЦУ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В современную историографию критики все настойчивее вводят материалы, имеющие отношение к литературному наследию отечественного философского ренессанса. Труды религиозных мыслителей конца XIX – первой трети XX века с варьирующей в отношении каждого конкретного автора полнотой (по отношению к отдельным персоналиям, скорее, неполнотой) изученности присутствовали и в советском гуманитарном дискурсе. Перестроечный экватор 1980-х годов стал своего рода рубежом – с этого времени разработка темы принимает активный и целенаправленный характер, ее результатами становятся монографические, коллективные научные исследования [2; 7], энциклопедии [5], учебные пособия [4], затрагивающие прямо или косвенно различные аспекты литературно-философского наследия.

Очевидно, что теперь, когда феномен «стирания традиционной границы между профессиональной философией и литературным трудом» [3, с. 69] изучается почти без цензурных купюр, кроме того, силами разных дисциплин, наука не справляется с лавинообразным потоком информации. Освоение истории критики ранее игнорируемых по идеологическим соображениям текстов порождает серьезное теоретическое противоречие. Сегодня подошло время заново обосновать часто употребляемый, но медленно завоевывающий доверие термин «философская критика», поскольку далее полагаться на «естественный отбор» научного дискурса нельзя. Вверяя себя стихийному процессу, отказываясь от пересмотра терминологии, представители разных сфер гуманитарного знания рискуют взаимопониманием.

Использование словосочетания «философская критика» по отношению к концу XIX – началу XX века довольно часто аргументируется распространенным в литературоведении путем – *ad hominem* – указывает на факт такого словоупотребления в известной статье В. Соловьева.

Кредо автора выражено в цитируемой работе следующим образом: «...если говорят, – как это приходится иногда слышать и читать, – что задача критики есть восприятие *индивидуальности* (здесь и далее по абзацу курсив автора статьи. – *А. Х.*) разбираемого писателя, то это явное недоразумение. Критика есть во всяком случае *рассуждение*, а прямым содержанием рассуждения не может быть то, что не выражено в общих понятиях...

Прямая задача критики, – по крайней мере философской, понимающей, что красота есть осязаемое воплощение истины, – состоит в том, чтобы разобрать и показать, что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках. Критик должен “вскрыть глубочайшие корни” творчества у данного поэта не со стороны его психических мотивов – это более дело биографа и историка литературы, – а главным образом со стороны объективных основ этого творчества или его идейного содержания» [9, с. 166].

Полагается, что по праву гения философ суммировал общие черты направления отечественной критики. Можно заметить, однако, что приведенные характеристики не являются уникальными и нельзя потому оставлять высказывание Соловьева без соответствующего комментария. Русская литературная критика видела много мыслителей, склонных подниматься над индивидуальностью разбираемого писателя к выводам метафизического характера, и эти авторы понимали в равной степени и то, что красота – воплощение истины, и то, что из полноты всемирного бытия сознание творца охватывает обычно не целое, но только фрагменты, на которые в процессе критической интерпретации подлежит пролить свет.

Ясно, что Соловьев говорит не о новом – нарождающемся типе критики, современном ему, а о повторении в благоприятных литературных и социальных условиях архетипического свойства литературно-критического творчества. Если рассматривать в качестве философской критики все литературно-критические труды, инспирированные идеалистической философией, расположенные на общей линии идей от Канта к Гегелю, Шеллингу, «Проблемам идеализма» и далее, видя в статьях славянофилов некую точку, движущуюся в одной

плоскости с работами плеяды Соловьева, но опережающую их хронологически, дальнейший поиск терминологии оказывается существенно упрощенным. Тогда вполне логично было бы пойти путем, предлагаемым в том числе Н. В. Володиной, рассматривающей философскую, филологическую и публицистическую критику как три универсальные категории [1, с. 269-271]. На возможность подобного широкого понимания термина было указано еще Ю. В. Манном [6], оно закреплено и в современных работах.

Но вступает в силу одно возражение – Г. В. Плеханов имеет ровно столько же формальных и неформальных прав претендовать на отнесение его работ к области метафизики, сколько и В. С. Соловьев. Если статьям, тяготеющим по своим истокам к диалектическому материализму марксистов, изначально отказано в обладании *философским*, не только публицистическим пафосом, то в этом проявляется некоторая предвзятость.

В системе, созданной учениками и последователями Плеханова, была глубочайшая идея стержневого образа, объединяющего целый социальный класс. Сам Плеханов всегда подчеркивал необходимость не только социологического, но и полноценного эстетического анализа произведения. Говоря о философской критике, преимущественно имеют в виду идеалистические позиции мировоззрения ее авторов, поэтому следовало бы, возможно, называть явление ближайшим к нему «видовым», а не «родовым» именем. Более точным наименованием, возможно, стал бы термин «идеалистическая критика».

Суть отличия между этими двумя коренными направлениями русской литературной критики заключается в цели интерпретации произведения. Если религиозным философам требовалась духовная биография одного конкретного писателя или поэта, то Плеханов и его последователи создавали такую же духовную биографию, только целого класса, а не отдельно взятой личности. Здесь дело не в том, что более или менее метафизично, а в масштабе охвата материала, в уровне обобщения. Думается, что именно цель интерпретации должна быть осмыслена и закреплена терминологически.

При попытке осмыслить статьи о классической русской литературе В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. Л. Франка, Г. П. Федотова, М. О. Гершензона в ракурсе истории критики приходится признать очевидное: их наследие не совпадает по своим контурам полностью ни с одним из тех направлений календарно-хронологического и типологического членения истории литературной критики, которые были признаны до сих пор «несущими конструкциями», создающими периодизацию и систему.

Очевидный вызов, перед которым оказались теоретики литературно-критического процесса, заключается в том, что с точки зрения хронологии отечественный Серебряный век в наиболее распространенном понимании (от лекции Мережковского до 1920-х годов, где рубежом становятся расстрел участников Таганцевского заговора или высылка «философского» парохода) применим как некий общий вектор к указанным мыслителям лишь приблизительно, так как по отношению к некоторым из них охватывает только *часть* печатного наследия.

Соответственно, если предполагается, что для адекватного представления феномена нужно связать его с эпохой модернизма, следует либо оговорить расширенное, выходящее за рамки отечественных культурно-исторических условий понимание периода (который, приходится добавить, становится крайне размытым), либо прибегнуть к какому-то дроблению материала на основании пока не ясных литературоведению критериев. Будучи написаны на русском языке, труды философов попадают в поле зрения отечественной критики, но контекст изучения многих из них (хотя и не всех), учитывая материалы зарубежья, следует укрупнять с национального до мирового.

Так, если исследователь считает необходимым остановиться, допустим, на фигуре Г. П. Федотова, полагая возможным рассматривать его статьи о Пушкине в рамках критики, а не публицистики, несомненно, ему придется учитывать факт выхода работы «Певец империи и свободы» в парижских «Современных Записках» 1937 года, когда в России уже не всякий раз упоминали вслух о духовно-интеллектуальных поисках Серебряного века. Помимо вопроса о периодизации, оказываются проблематичными сразу все три формулировки – «русская», «философская», «критика».

Необходимо помнить еще и о том, что русской литературной жизни было свойственно явление ретардации провинции по отношению к центру. В центре последовавшее за Декретом о печати 1917 года закрытие журналов вызвало у интеллигенции ощущение идеологического «удушья», в провинции же многие уездные населенные пункты благополучно миновали критическую точку зарождения новой цензуры, не склоняясь к обширной рефлексии, так как и не имели развитого книгопечатного и издательского дела. Слабые ростки русского идеализма еще пробивались даже в 1920-е годы по отдельным населенным пунктам, где контроль за художественным словом был не слишком тщателен. Это означает, что неправильно считать 1917 год неким рубежом.

Общим местом литературоведения, не оспоренным вплоть до 1980-х годов, было положение о необходимости противопоставления реалистической и модернистской критики как борьбы прогрессивных сил с декадентским упадничеством. Так, в учебнике В. И. Кулешова 1978 года в главе, посвященной модернистским тенденциям в критике, разноприродные явления рассматривались как взаимообусловленные, причем В. Соловьев был показан представителем стана символистов. В современной науке неоднократно уже было отмечено, что подобная схема календарно-хронологического членения, опирающаяся на борьбу литературных направлений, значительно упрощает реальную расстановку фигур на поле литературного процесса.

Совершенно очевидно, что поэт-символист, равно как и критик-символист, в том случае, если они ощущали себя, прежде всего, литераторами, ставили осязаемую цель завоевания литературной славы – *быть прочитанными* не завтра, не двадцать лет спустя, но здесь и сейчас, в конкретных исторических условиях. Из самих природных различий между научным и художественным творчеством, даже без погружения

в конкретику историко-литературной фактуры, очевидно, что цели философов (или лиц, полагающих себя таковыми по преимущественному роду деятельности) вступают в то же соотношение с задачами профессиональных литераторов, какое связывает между собой стратегию и тактику.

Задержится ли поэт в нише элитарного сектанства или станет певцом народной судьбы, будет стремиться к созданию своей «школы» или пренебрегать учениками и последователями – это его личный выбор, ибо не всякое искусство обязано носить вселенский характер. История литературы в отдельных случаях сохраняет и малоизвестные литературные объединения, не имеющие порой даже единого манифеста, по причине их значимости в качестве «воздуха» эпохи.

История философии стремится запоминать только имена протагонистов, изменивших парадигму человеческого мышления в глобальных масштабах, бросивших вызов не только и не столько современникам и предшественникам, сколько существующим способам философствования в целом. Главная цель философа долгосрочна – она *a priori* значительно шире эстетического и нравственного воздействия, свойственного литературному творчеству. Будучи рассчитаны на эффект «замедленного» действия, средства для достижения этой цели не всегда сопоставимы с теми, что применяются в прозе, поэзии и драматургии.

Задачей-максимум религиозной философии рассматриваемого периода было создание принципиально нового метатекста русской культуры, в котором должны были слиться воедино секуляризованное и сакральное слово. Руководствуясь потребностью в соблюдении законов логики, приходится признать, что для связности и последовательности представлений об историко-литературном процессе тактические задачи его участников следует рассматривать отдельно от стратегических.

Термины «модернистская критика» и «философская критика», таким образом, находятся между собой в противоречии, основанном на борьбе двух пониманий истории литературы: календарно-хронологического и конститутивно-типологического. Дальнейшее сосуществование двух указанных терминологических единиц, пока их соотношение не прояснено, крайне затрудняет нормальный ход научной коммуникации.

Как уже говорилось, масштабное и амбициозное начинание религиозной философии по определению не могло хронологически совпадать с периодом господства русского модернизма, поскольку именно *конец Серебряного века*, осознание культурных перемен в России, произошедших после революции, были серьезными факторами, заставлявшими эмигрировавших мыслителей и позднее их учеников создавать семинары для изучения русского культурного наследия, всемерно способствовать продолжению жизни русской классики. Теоретически непоследовательным шагом является сведение проблем, связанных с рассмотрением трудов религиозно-философского ренессанса, к разграничению реалистической и модернистской критики, так как при подобном взгляде на литературный процесс образуется «прокрустово ложе», мешающее науке основательно изучить явления, не объясняемые традиционно представляемой борьбой направлений – например, эстетический консерватизм С. Л. Франка.

Предпринятая мыслителями попытка духовного, подчеркнуто метаутилитарного осмысления классической русской литературы, по своему пафосу явно противопоставленная на разных этапах и декадентству, и марксистской критике, заложившая, несомненно, основы традиции, которая до сих пор живет обособленной жизнью, вклад некоторых из них в повышение авторитета русской классики за рубежом, по своей величине еще не оцененный полностью, подлежащий рассмотрению в рамках социологии читателя, а также своеобразное истолкование ими русских классиков, в частности Пушкина, изначально направленное на синтез фактов биографии и творчества, – все это говорит о том, что если рассматривать философов в истории критики, то требуется иное, как можно более полное и автономное их представление. Особенно мысль об автономии важна, поскольку речь идет о дисциплине, имеющей, помимо всего прочего, и педагогическое значение. Вряд ли полезно, если Вяч. Иванов в представлении будущего учителя русского языка и литературы находится где-то рядом с И. А. Ильиным, а этическая и эстетическая линии развития русской словесности как бы сливаются в одно целое.

Сформулируем, таким образом, интересующие нас сейчас вопросы более конкретно и «точечно»: если наука окончательно выделит так называемую «философскую критику» в автономную область изучения, то на основании каких критериев будет доказываться правомерность подобного выделения в масштабах всего гуманитарного дискурса и как будет выстроена периодизация феномена?

Во-первых, однозначно нельзя игнорировать пространственно-временной разрыв между жизнедеятельностью К. Н. Леонтьева (1831-1891) и В. С. Соловьева (1853-1900), с одной стороны, и С. Н. Булгакова (1871-1944) и С. Л. Франка (1877-1950) – с другой. Во-вторых, когда речь идет о вышеупомянутых мыслителях, согласие должно быть достигнуто на метадисциплинарном уровне.

Когда Д. С. Мирский заявляет, что Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Лавров и Михайловский – «плебей, не затронутые художественной и эстетической культурой образованного дворянства» [8, с. 376], характеризуя статьи Н. А. Добролюбова следующим образом: «...считать это литературной критикой было крайне несправедливо» [Там же, с. 378], очевидно – построенное на подобных постулатах представление о литературном процессе волонтаристично не в меньшей степени, чем отечественные соцреалистические концепции. Единственным путем освобождения истории критики от догм представляется де-аксиологизация в вопросах метода.

Мы не можем полностью освободить ни одну историческую дисциплину от оценочности, субъективизма создающего ее историка, но возможно пересмотреть и дополнить методологию этой дисциплины. Думается, что решение всех обозначенных вопросов лежит в области метода. Так, общий метод есть та скрепа,

что объединяет статьи представителей русского религиозно-философского ренессанса. Суть этого метода заключается в разных исходных положениях, но главнейшим является *отождествление автора и нарратора в художественном произведении*. Своего логического завершения указанное отождествление достигло в радикальном биографизме Гершензона. Автор статьи убежден, что именно с помощью вскрытия и обоснования сути метода можно приблизиться к максимально точной терминологии.

Список источников

1. Володина Н. В. О типологии литературной критики XIX века // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения: в 2-х т. М.: Наследие, 1997. Т. 1. С. 269-277.
2. Депретто К. Литературная критика и история литературы в России конца XIX – начала XX века // История русской литературы. XX век. Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Серман и др. М.: Прогресс; Литера, 1995. С. 242-258.
3. Исупов К. Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2000. С. 69-130.
4. Крупчанов Л. М. История русской литературной критики XIX века. М.: Высшая школа, 2005. 383 с.
5. Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918-1940: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000-2002.
6. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. 1820-1830-е годы. М.: Искусство, 1969. 304 с.
7. Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения: в 2-х т. М.: Наследие, 1997. Т. 1. 310 с.
8. Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2005. 876 с.
9. Соловьев В. С. Поэзия Я. П. Полонского. Критический очерк // Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 120-202.

**THE PROBLEM OF THE TERM “RUSSIAN PHILOSOPHICAL CRITICISM”
IN RELATION TO THE END OF THE XIX – THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Khrustaleva Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Saratov State University
tevlin1982@mail.ru

The article examines the term “philosophical criticism”. The author points to the problems of periodization in consideration of critical articles written by philosophers of Russian religious-philosophical renaissance. It is shown that the terms “symbolist criticism” and “philosophical criticism” are in contradiction based on different understanding of the history of literature – calendar and constitutive-typological. It is emphasized that the criticism of Plekhanov and his epigones has every reason to claim the presence of a serious philosophical component, the term itself is therefore incorrect. The paper points to the most important feature of the method of literary text research, typical of Russian religious philosophers.

Key words and phrases: V. S. Solovyev; S. N. Bulgakov; K. N. Leontyev; N. A. Berdyaev; I. A. Ilyin; S. L. Frank; G. P. Fedotov; M. O. Gershenzon; Russian philosophical criticism.

УДК 82(091)

Дата поступления рукописи: 27.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.17>

Статья посвящена осмыслению темы духовной красоты детских образов в рассказах «Вахмистр», «По спешному делу» и «Пугливая тишина», созданных выдающимся писателем русского зарубежья Иваном Сергеевичем Шмелевым в 1906-1915 гг. В работе особое внимание уделено вопросам авторского постижения природы детства, внутреннего мира ребенка, отображения его духовной цельности и гармоничности. Проблема взросления осмысливается как процесс утраты этих свойств и необходимости их возвращения. Прослеживаемая в рассказах тема искусства неразрывно связана с темой детства. Малоизученность темы, избранной для рассмотрения, и выводы автора могут представлять особый интерес для круга специалистов, занимающихся проблемами русской литературы XX века.

Ключевые слова и фразы: И. С. Шмелев; рассказы о детстве; детские образы; мотив; автобиографический персонаж; феномен личности писателя; метод потока сознания.

Шестакова Елена Юрьевна, к. филол. н.
Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя, г. Северодвинск
shestackova.lena2013@yandex.ru

**ДУХОВНАЯ КРАСОТА ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ
В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЕВА 1906-1915 ГГ.**

Жизненный и творческий путь писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873-1950) отмечен пристальным интересом к духовной жизни человека, бытийным основам его существования. Особая духовная глубина свойственна детским образам, раскрытым писателем с необыкновенным талантом